

ТРИ ПРЕМЬЕРЫ И ОДИН ДЕБЮТ

Конец театрального сезона в Сухумском государственном драматическом театре был богат премьерами. В один из последних вечеров абхазский драматический коллектив показал три новые работы — миниатюры Дмитрия Гули «Я умрь», известного азербайджанского писателя Уильяма Сарояна «Эй, кто-нибудь!», и молодого драматурга Шоты Чкаду «Плачать или смеяться».

Постановка пьесы Д. Гули и Ш. Чкаду была режиссерским дебютом актера абхазской драмы Д. Кортава. Не все однажды удалось дебютанту, но, в общем, с работой он справился. «Обе вещи» — комедия, в обрамлении комедийной ситуации строится на трагикомическом фоне. В первой миниатюре — мин-

тый похороник, во второй — похороны в абхазской деревне.

Режиссеру удалось гротескно-комичные сцены, такие, как ужас Степана (артист А. Тания) при виде воскресшего хозяина («Я умрь»), сцена перед портретом, которую мастерски провел артист С. Саканина («Плачать или смеяться»).

В основе действия пьесы Ш. Чкаду «Плачать или смеяться» — влюбленная тема. Похоронки и поминки в деревне, превращающиеся в грандиозные похоронки, когда забываетесь и сам повод, приведший всех за стол, — один из пережитков прошлого, все еще не изжитый у нас и требующий самой решительной борьбы с ним.

Еще до открытия занавеса из-за

сцены доносятся причитания и всхлипывания, иной раз трудно отличимые от хохота. Позднее, в ходе действия, в поведении переливавшегося поминальника они, действительно, сдвигаются друг с другом, перекходят один в другой. Слезы неваметно обращаются смехом, траурные песни и причитания — плясовыми ритмами, бегущее анцемерное горе — буйным весельем. Хочется только пожелать режиссеру и актеру — исполнителю главной роли уменьшить долю добродушия в отношении и основному персонажу пьесы. Больше должно быть сатиры, яркой обрисовки отталкивающих черт героя, достойных и осмеянных и осуждения. Чтобы хохот виртального зала стал не просто веселым, а рази-

щим. Возможности для этого есть.

«Эй, кто-нибудь!» шла в постановке главного режиссера абхазской драмы Недал Эшба. Ее режиссерский почерк отличал эту миниатюру от двух других. До мельчайших деталей продумано оформление. Музыкальное вступление вставляет зал мастерски в ожидание чего-то тревожного. Когда же раздвигается занавес, и на полутемной сцене свет выхватывает два участка — камеру-клетку у самой рампы, где за решетками мечется арестованый, и уходящую вверх крутую лестницу, на самом верху которой, в освещенном дверном проеме — сияет девушка, уже одна только предельная акционичность обстановки, акционичность, которую хочется сравнять с графикой, подчиняет зрителя, заставляя его напряженно ждать первой реплики.

«Эй, кто-нибудь!» — это зовет парень, сидящий за решеткой. Зовет, не зная кого, — может быть, просто человека, живую душу, но может быть — свою мечту, за которой он прошел столько дорог, свою судьбу, свое счастье, что так и не встретил. «Эй, кто-нибудь!» — первая и она же последняя реплика пьесы.

Очень хороши мизансцены — из рисунков точек, каждый момент на сцене, каждая группа — точно карандашная зарисовка, одновременно выражательная и изящная, динамичная и законченная. Пластика движений, ритм действия создают превосходную рамку спектаклю. В этом, в его внешнем совершенстве — большая заслуга режиссера.

В отношении же проникновения в глубь вещи, в ее душу, если так можно выразиться, остается желать лучшего. Пьеса У. Сарояна — произведение большой философской глубины, тревожных мыслей и чувств, выраженных очень простыми словами. Это произведение, в котором вещи называются своими именами, но за каждым словом — большая глубина, возможность разных толкований, здесь слова говорят о несказанным. Правильно понять Сарояна, донести его мысль до людей, передать настроение вещи, ее тон — в этом должна была заключаться задача режиссера и коллектива.

Вероятно, не нужно было столько « внешний » выражительности использовать главной роли А. Ермолову (жесты, интонационные мажимы, игра повышенным тембром голоса) — все должно было быть много проще, несколькотише и значительнее глупже. Игре артиста не хватало психологии, порой такта, иной раз — задушевности, внутренней силы.

Гораздо проще и вместе с тем реалистичнее С. Дбар в роли девушки. Артистка удавалось передать совершившее исперне в себя, сменяющееся вспышкой надежды, и следующее за ней беспросветное отчаяние героини. Но эта роль и значительно проще первой, на которой лежит вся философская нагрузка пьесы.

В этот вечер в абхазской драме состоялись три премьеры и один дебют, почетная стала итогом большой работы, проделанной коллективом.

Ю. ГЕРИЯ.

Советская Абхазия
г. Сухуми

30 ИЮН 1963